

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МОДЕРН: О ПОЛИТИЧЕСКОМ «ИЗМЕРЕНИИ» ТЕХНИКИ*

Д. М. Султанов

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. Первая мировая война как первый конфликт подобных масштабов является закономерным и в то же время поразительным феноменом в истории европейской культуры. В ходе войны явственным образом проступили трансформации в восприятии политики, а также осознание новой роли техники. Является ли актуализация этих феноменов необходимым образом взаимообусловленной? В статье предлагается рассмотреть характер связи этих явлений (науки и политики), опираясь на две противоположные тенденции. С одной стороны, техника предстает как некоторая обезличивающая сила современной культуры, и поэтому актуальной политической задачей становится приручение ее и адаптация к задачам сохранения различной социальной и политической субъектности (Юнгер, Людтке, новая имперская история). С другой стороны, техника оказывается единственным условием сохранения различий в силу своей изолирующей функции, что только и позволяет мыслить политику (акторно-сетевая теория).

Ключевые слова: Первая мировая война, повседневность, новая имперская история, акторно-сетевая теория, техника, модернизм

WWI AND MODERNITY: ON THE POLITICAL “DIMENSION” OF TECHNOLOGY

Danis Sultanov

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. World War I appears to be a striking yet an expected phenomenon in history of European culture, considering it as the first war of such a scale.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00240).

© Султанов Д. М., 2021

During the course of war the transformation of perception of politics became evident as well as understanding of new roles and possibilities for technology. Is it legitimate to say, that these insights are led by the necessarily interwoven nature of the phenomena under consideration? The article takes on the task to investigate the connection between those phenomena (politics and technology), covering it from the opposing perspectives. On the one hand, technology is viewed as a depersonalizing force of the modern culture, hence to successfully oppose this threat one must tame technology and adapt it to the task of preservation of any tangible social and political subjectivity (Junger, Ludtke, *New Imperial History*). On the other hand, technology, understood as largely disentangling force, is the only possible way to preserve sufficient difference for subjectivity, making it possible to comprehend politics (ANT).

Key words: WWI, everyday world, new history of empires, actor-network theory, technology, modernity

Теория справедливой войны является на сегодня доминирующим (по крайней мере в западной исследовательской среде) режимом рефлексии о сущности войны. Исследовательский интерес теоретиков справедливой войны движим вопросами о справедливых причинах вступления в войну и допустимых методах ее ведения [3, с. 147]. Как метко замечает А. Куманьков в своем анализе генезиса теорий справедливой войны в ее классическом виде, такое нормативное исследование строго следует новоевропейскому определению политики [Там же, с. 23]. Согласно ему политика предстает как поле взаимодействия равноправных субъектов, каковыми в случае международной политики являются государства. Каждый из субъектов движим собственными интересами, посягательства на которые оказываются достаточной причиной начала войны. Война, таким образом, подчиняется политике, что выражается в известной максиме фон Клаузевица.

Первая мировая война произвела определенный сдвиг в восприятии войны. Во-первых, с нее начала размываться граница между военными как действующими участниками войны и гражданскими лицами, теми, кто непричастны к действительности военного столкновения. Мобилизация коснулась не только непосредственных военных сил, но и вовлекла в действительность конфликта экономические ресурсы государств. Успешность наступления на фронте

зависела зачастую от успешности тылового обеспечения, как результат — война мобилизовывала все население государства.

Во-вторых, такое разрастание масштабов впервые актуализировало тотальное уничтожение противника как главную цель войны. Так же как в случае с «деспециализацией» военных как отдельной профессии и вовлечения в войну всех слоев населения, новый характер войны потребовал тотального политического вовлечения, что стало определенным вызовом для государств-империй.

На последнем стоит остановиться несколько подробнее. Обязанность защищать государство с оружием в руках по определению принадлежит тем, кто считается полноправным членом этого государства. Трансформация войны от ее классического новоевропейского вида к войне тотальной, на наш взгляд, является закономерным следствием в развитии модерного общества. Становление капитализма и новоевропейской рациональности происходило синхронно, и наука в своей доведенной до предела форме превратилась в технику, а производство — в труд, каким мы его знаем сейчас. Управляющим принципом становится возможность приведения чего-либо в наличное состояние. Или, выражаясь проще, что угодно может быть получено из чего угодно, — это негласно предполагается универсализмом законов физики. Такова логика капиталистического производства, что в конечном счете приводит к акцентированию других черт в социальном типе — мобильности и взаимозаменяемости. Такой тип, способный на овладение миром, Э. Юнгер называет рабочим [2, с. 78, 95–96].

Что примечательно, немецкий историк повседневности А. Людтке указывает, что «рабочая оптика» была в высокой степени присуща солдатам Германской империи и нацистской Германии. Как заводской коллектив является группой людей, ответственность которых распределена, но каждый из которых может быть переброшен на другой завод, так и солдат мировой войны технически специализирован, но при этом легко заменяем [4, с. 217–219].

Актуальные социальные исследования, декларирующие в качестве своего ведущего мотива эмансипацию объекта и пересмотр его онтологического статуса, при всей своей экстравагантности говорят о некоей насущной потребности определенного запроса. Таковым

является вопрос о технике: как следует интерпретировать это явление, что является ее движущей силой и каково в действительности наше к ней отношение. Умолчание данного запроса заключается в простой мысли, что техника не просто средство, созданное для достижения некоторых целей.

Первая мировая интересует нас прежде всего потому, что для некоторых исследователей наиболее явственно встал вопрос о том, почему техническое развитие, явившееся во время данной войны в своих истинных масштабах, содержит в себе потенциал к пересмотру сущности политики. Что лежит в основе техники как феномена, что необходимым образом задевает также и поле политического действия? Ответ на этот вопрос предлагается искать при помощи исследования повседневности, некоторых аспектов новой имперской истории и – частично — обращения к работам проponentов акторно-сетевой теории.

Модерная цивилизация и характерное для нее господство техники ведет к гомогенизации общества. Историк повседневности Германии времен двух мировых войн А. Людтке, работая на микроуровне взаимодействий лицом-к-лицу, обнаруживает некоторое реактивное действие немецких рабочих, борющихся с подобной гомогенизацией через некоторые акты символического характера [4, с. 94–96]. На макроуровне новая имперская история демонстрирует, что империя, как политическое пространство, строящееся на принципах закрепления различий, прибегает к войне как к возможности положить пределы такой модерной гомогенизации [5, с. 388–391]. Иными словами, обе методологии свидетельствуют о том, что развитие техники имеет следствием унифицирующее действие.

В противовес этому, как говорит В. Вахштайн, последовательно развитая акторно-сетевая теория должна демонстрировать не гомогенизирующее, но изолирующее действие техники [1, с. 15–17]. Другими словами, то, что названные выше методологии относили на счет действия по закреплению некоторого минимального различия, сопротивляясь унификации и гомогенизации технического общества (за счет чего предполагается сохранение статуса политического субъекта), потенциально лежит в сущности самой техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вахитайн В. С.* Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. № 2. С. 1–48.
2. *Гузикова М. О.* «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация : дис. канд. ист. наук : 07.00.03. Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2004.
3. *Куманьков А. Д.* Война в XXI веке. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020.
4. *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) ; Герман. ист. ин-т в Москве, 2010.
5. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2 : Балансирование имперской ситуации XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань : Ab Imperio, 2017. (Библиотека журнала Ab Imperio).